

Valery A. TISHKOV*

THE NEW HISTORICAL CULTURE

Abstract: This report deals with the modern culture of perception, reconstruction and with using the past in different communities: local, regional, ethnic, national and also it deals with the “struggle for the past” and so called “wars of memories”. *The new historical culture* defines as the condition of the historical consciousness and the status of the historical humanitarian knowledge. Its description actualizes in:

dominant role of the historical memories and legacies in the social consciousness instead of the academic historical knowledge;

Authority's attempts to regulate both: interpretation of the history and its using in the political struggles and in the geopolitical competition;

the construction of the past as of the part of national, local and ethnical identities;

partial creating of the mass culture and media sector on the bases of histotainment;

the new role of the standard (canon) in the historical education;

blurring of the professional humanitarian knowledge bounds, including history;

appearance of the new professional ethics, standards and of the new social mission of historians;

future of the muse Clio.

НОВАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА**

Казалось бы совсем недавно мы переживали эпоху *'fin de la siecle'* (конца века), которая к тому же совпала с концом тысячелетия. Именно в такие моменты оживают общественные дебаты вокруг прошлого и ожидаемого будущего. По итогам XX века были написаны многие труды зарубежных и российских историков, среди которых одним из первых отметился англичанин Эрик Хобсбаум своей знаменитой книгой «Век экстримов. Короткий XX век», обозначив его границы первой мировой войной в 1914 году и распадом СССР в 1991 году¹. Об основных событиях XX века в сфере мировой поли-

* Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

** The paper is submitted in Russian by author.

¹ E. Hobsbawm. The Age of Extremes: the short twentieth century, 1914–1991. New York: Vintage Books, 1994.

тики, европейской цивилизации и о подходах к преподаванию истории написал академик А. О. Чубарьян. Он назвал XX век «нормальным» периодом в мировой истории и предположил, что XXI век станет «веком нового синтеза», который будет пронизывать различные сферы общественной жизни. «Этот синтез позволит объединить тенденцию к интеграции с тенденцией к разъединению и сепаратизму, рыночную экономику с ее государственным регулированием, политическую целесообразность с моралью, снимет извечное противоречие между властью и свободой личности. Как бы ни был сложен исторический процесс, глобальная тенденция к синтезу будет нарастать. Долг историков состоит в том, чтобы, изучая историю XX в., понять логику развития нынешнего дня, помочь современным политикам наметить перспективы на будущее»². Насчет «долга историков» мы поведем разговор ниже, а сейчас важно отметить близкий моему собственному пониманию «нормально-оптимистический» взгляд на историческую эволюцию. Хотя я не уверен, что именно нынешний век разрешит «извечные проблемы» прошлых веков. Даже если родится некий новый исторический синтез.

У меня есть также несогласие с оценкой XX века и ожидаемого будущего, которая была высказана еще одним моим коллегой – академиком Ю. А. Поляковым в его книге «Историческая наука: люди а проблемы». Ю. А. Поляков самим названием статьи в этом сборнике предлагает поспорить: «погибнет ли человечество? Скорее да, чем нет». Он крайне пессимистично оценивает перспективы человеческой эволюции (вплоть до возможного самоуничтожения), прежде всего исходя из драматического опыта XX века, непосредственным свидетелем и историографом которого он был сам. «Мы не можем предугадать – погибнем ли мы в новой войне, когда изобретательность человеческого ума позволит уничтожить все живое. Погибнем ли в результате экологической катастрофы, которую человек, несмотря на все предупреждения, упорно приближает. Погибнем ли в межнациональных и межрелигиозных схватках, когда скрытые за современными костюмами инстинкты тысячелетней давности вырвутся наружу... Но вся суть в том, чтобы понять, что такой ситуации, как ныне, не было никогда, что вопрос «или – или» стал реальным. Худо будет человечеству, если это не окажется понятным. Поэтому на вопрос, погибнет ли человечество, я отвечаю: «скорее да, чем нет»³. С подобными предсказаниями сложно спорить, как, например, сложно оспаривать долговременные демографические прогнозы, особенно на 50–100–200 лет. Пока ни один из таких прошлых прогнозов не реализовался в жизни, но они по-прежнему остаются в гуманитарно-политическом репертуаре и ими очень активно пользуются. Точно также мне представляется, что ни «ядерная зима» (страшилка, о которой уже почти все забыли), ни глобальное

² А. О. Чубарьян. XX век. Взгляд историка. М.: Наука, 2009. С. 21–22.

³ Ю. А. Поляков. Историческая наука: люди и проблемы. Книга 3. М., РОССПЭН, 2009. С. 202–203.

отепление, ни коллизии на основе культурных (религиозных и этнических) различий не могут стать причиной гибели 6 миллиардов людей и даже населения отдельных стран и регионов.

В этой связи отмечу наблюдаемый мною интересный психологический феномен: то, что прожито историком лично, вполне может не совпадать с ощущением (точнее – с рассуждением о) мировой траектории человечества как целого, включая этап современной истории. Кстати, и личная жизнь почти всех известных мне российских гуманитариев и публицистов-комментаторов, не говоря уже о творческих работниках в сфере искусства, разительно отличается от тех оценок, которую они дают в своих трудах и произведениях общественной жизни страны, частью которой являются сами. Этот психологический разрыв или феномен «кризиса понимания России» был отмечен мною еще десять лет тому назад⁴. Десять лет тому назад мною также была дана оценка XX века, и позволю себе процитировать собственную книгу: «Как мне представляется, XX век был самым историчный век во многих отношениях: в смысле плотности исторического времени и действия, в смысле накопленного эмпирического знания о прошлом, в смысле производства исторических версий и их прямой конкуренции и в смысле воздействия историографии как науки и как части общественно-политического дискурса на социальную реальность. Однако осознание этих черт еще недостаточное или же далеко не всеми разделяется, в том числе и в ходе дебатов по поводу вступления в третье тысячелетие человеческого меньшинства, именуемого христианским миром»⁵.

Интересно отметить, что наиболее проницательные аналитики чаще всего и оказываются среди «воздерживающихся» по части всеобучающей и предсказательной силы истории, а также по части раскрытия смыслов собственно исторического знания. Приведу импонирующие мне рассуждения авторов фундаментального труда по теории знания о прошлом историков И. М. Савельевой и А. В. Полетаева. Разделяя веру Ф. Броделя в «общий рынок» общественных наук, они пишут: «Эта вера сохраняется и сегодня, поубавилось только эйфории по поводу «неограниченных» возможностей универсальных законов, исторического синтеза, математических методов, сильной теории и т. д. Изменилось представление о характере нашего знания о прошлом, да и о самом прошлом, которое теперь для многих историков уже не то, «что было на самом деле», и даже не «реконструкция», а «образ», «репрезентация» или «конструкция»⁶.

В историческом процессе всегда есть много норм и суждений как в диахронном (горизонтально-географическом) измерении мира, так и тем более в

⁴ См.: В. А. Тишков. Кризис понимания России. М.-Воронеж, 2006.

⁵ В. А. Тишков. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 501.

⁶ И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Знание о прошлом: теория и история. В двух томах. Том 2. Образы прошлого. СПб.: Наука, 2006. С. 683.

его вертикальном (хронологическом) измерении. Но тогда о чем дебаты? А дебаты о том, *что есть нынешняя культура восприятия, реконструкции и использования прошлого*. И что это за новый феномен опрокидывания в прошлое нынешних норм и нормативной (включая юридическую) оценки прошлого вплоть до уголовного наказания? Что это за старый-новый феномен «исправления исторических несправедливостей», с которым мир столкнулся после второй мировой войны, а наше общество особо столкнулось после распада СССР? Сегодня на первый план вышли проблемы, которые волнуют как профессиональных историков разных поколений и направлений, так и более широкие категории населения – от ностальгирующего обывателя до политика и интеллектуального блогера. А именно: в чем суть науки, которая занимается изучением прошлой социальной реальности, как соотносится всемирная история и ее национальные версии, где пределы профессионального знания и его влияния, как сегодняшнее историописание оказалось зажатым между политикой и правом, возможен ли так называемый *канон* (по-русски, видимо, лучше всего перевести как «стандарт») в историческом образовании и другие не менее интересные и актуальные проблемы.

В чем суть самого понятия «историческая культура», утвердившегося в современной мировой историографии? В российской исторической науке в последнее десятилетие под руководством Л. П. Репиной выполнена солидная серия коллективных исследований на эту тему, в которых раскрывается содержание данного феномена и одновременно научного направления на материалах мировой и российской истории. В одном из таких трудов Л. П. Репина пишет о появлении исторической культуры как предмета исследования, связанного с изучением истории представлений о прошлом. Это направление предполагает анализ явлений интеллектуальной сферы в контексте социального опыта, исторической ментальности и общих процессов духовной жизни общества. Наиболее важными в изучении исторической культуры оказываются исторические мифы, ментальные стереотипы, обыденное историческое сознание, историческая память как «совокупность восприятий, представлений, суждений и мнений относительно событий, выдающихся личностей и явлений исторического прошлого, а также способов объяснения, рационализации и осмысления последнего в «ученой культуре»⁷.

Приведу пространную цитату из вышеупомянутой статьи об исторической культуре как предмете исследования: «Обширный и разнородный материал исторических сочинений (памятники устной традиции, анналы, хроники, летописи, «церковные истории», «истории народов», «естественные истории»), публицистической и художественной литературы, а также документов частного и публичного характера, который так или иначе отражает

⁷ История и память: историческая культура Европы до начала нового времени. Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006, с. 9. См. также: Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад. Под ред. Л. П. Репиной. М., 2010.

социальное бытование представлений о прошлом в элитарной и народной культуре и их роль в общественной жизни и в политической ориентации индивидов и групп, является первоклассной источниковой базой для изучения *исторической культуры*, включая динамику взаимодействия *представлений о прошлом*, зафиксированных в коллективной памяти различных этнических и социальных групп, с одной стороны, и *исторической мысли* той или иной эпохи – с другой, притом, что ученое знание влияет на становление коллективных представлений о прошлом и, в свою очередь, испытывает воздействие массовых стереотипов»⁸.

Л. П. Репина приводит развернутое определение исторической культуры, данное канадским историком Д. Вульфом в его работе по английской исторической культуре эпохи средневековья: «Историческая культура порождает и питает официальное историописание эпохи, и сама, в конечном счете, подвергается его обратному воздействию... Историческая культура состоит из привычных способов мышления, языков и средств коммуникации, моделей социального согласия, которые включают элитарные и народные, нарративные и не = нарративные типы дискурса. Она выражается как в текстах, так и в общепринятой форме поведения – например, в способе разрешения конфликтов через отсылку к признанному историческому образцу, такому, как «древность». Характерные черты исторической культуры определяются материальными и социальными условиями, а также случайными обстоятельствами, которые, как и традиционно изучаемые интеллектуальные влияния, обуславливают манеру думать, читать, писать и говорить о прошлом. Сверх всего, представления о прошлом в любой исторической культуре являются не просто абстрактными идеями, зафиксированными для блага последующих поколений... Скорее, они являются частью ментального и вербального фонда того общества, которое использует их, пуская в обращение среди современников посредством устной речи, письма и других коммуникаций»⁹.

Как мы видим из приведенных цитат, некоторые важные теоретические ответы уже были предложены исследователями, в том числе вывод о меняющейся природе исторического сознания и ремесла историка, а также об изменении общественного статуса самой исторической науки. В работах последних лет на новом материале еще раз было подтверждено, что история не только вариативна, но и неисчерпаема в своей способности поставлять материал для новых открытий и ревизий. Каждое поколение людей как бы создает свою версию истории, в большей степени соответствующую вопросам и проблемам, которые встают перед живущим поколением. История – это не просто «писать, как было» (согласно Н. Я. Данилевскому), но и писание с определенной целью. В свое время французский антрополог К. Леви=Стросс

⁸ История и память, с. 13.

⁹ Цит. по: там же, с. 15.

сказал, что «история никогда не является просто историей чего=то, но всегда история для чего=то»¹⁰.

В новом историческом дискурсе довольно часто утверждается мысль об истории как о демиурге, который во многом предписывает настоящее вплоть до того, что, по-мнению некоторых экономистов и политологов, происходящие реформы и модернизация в России невозможны в силу особой истории страны и «генетических» характеристик ее народа: «соборность» исключает вариант западной либеральной демократии, а коллективизм и православная вера противоречат рыночной экономике и накоплению богатства. Но даже в этих ретроградных отсылках к прошлому мы видим прежде всего тот факт, что, как пишет специалист по проблеме исторической памяти П. Хаттон, «современной мышление отражает ценности современной культуры, которая демонстрирует не столь сильное благоговение перед прошлым, и возлагает большие надежды на новшества будущего». Мы сегодня знаем гораздо больше о прошлом, но это не означает, что возрастает власть прошлого над настоящим. Скорее наоборот, прошлое становится нам более привлекательным своей возможностью манипулировать им в современных целях. «В настоящее время нам приходится говорить скорее о полезности прошлого, чем о его влиянии на нас, и вспоминаем мы о нем часто только тогда, когда приходится подводить черту под делами текущего дня»¹¹. Именно эта *инструментализация прошлого* может быть названа одной из черт новой исторической культуры.

Сегодняшнее историописание – ключевой компонент нациестроительства (как, например, в новых странах после распада СССР и Югославии) или средство переосмысления старой национальной идентичности (скажем, в случае перехода доминирующей национальной идентичности от *английскости* к *британскости* в Великобритании либо от концепции «белой» к формуле мультикультурной Австралии). Кроме того, историописание – средство легитимации власти и существующего порядка или же претензий на его изменение либо упразднение. К примеру, изданный Институтом этнологии и антропологии РАН совместно с абхазскими учеными историко = этнографический труд «Абхазы» (М.: Наука, 2007) стал самым активным образом использоваться властями Абхазии в качестве доказательства давнего и суверенного существования абхазского народа и его государственности. Осуществляемые ныне местными историками многотомные истории татар и башкир, видимо, также нужны для того, чтобы подтвердить титульный статус данных этнических групп в одном из регионов страны и даже для еще более амбициозных целей. Историописание – это основной питательный материал для всех вариантов национализма – этнического или гражданско-государственного. Тем не менее, история повсеместно сохраняет и

¹⁰ Levi-Strauss C. La pensee sauvage. Paris, 1962, с. 340–341.

¹¹ Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003. С. 24.

свою давнюю функцию гуманитарного просвещения и воспитания разных ценностных норм и взглядов – от патриотизма и «любви к Родине» до ненависти к «врагам народа».

Вместе с утверждением релятивистского понимания исторического знания сложилась, главным образом усилиями французских историков, цельная теория исторической (или культурной) памяти. Она не только отделила память от историописания, но и провела более тонкую границу между непосредственной (устной или живой) традицией памяти, ее бытованием в повседневной жизни и институализированной и коллективно освоенной исторической традицией, которая воплощается в топонимике, памятных местах, календаре, искусстве. *Коллективная память предстала как социальный конструкт, как результат целенаправленных усилий и как массовое представление о прошлом на групповом уровне.* Это есть живой процесс постоянного запоминания и забывания, но некоторые константы исторической (коллективной) памяти становятся ценностно значимыми для общества и входят важнейшими составляющими в идентичность его членов. Трудно себе представить, например, армянскую идентичность без памяти о геноциде 1915 г., идентичность евреев без памяти о Холокосте, национальное самосознание россиян без Великой победы 1945 г.

Но тогда почему мы говорим о новой исторической культуре, которая формируется, по нашему мнению, в последние одно-два десятилетия как в России, так и в ряде других стран? Некоторые авторы полагают, что в современной историографии были открыты многие новые темы и направления, а вместе с этим – «альтернативные тропинки в историю открыли миры, о которых никто и не подозревал»¹², и это усложнило понимание исторического наследия. Отсюда пошло «дробление традиций» в современной культуре и, как результат, – альтернативные представления о прошлом, разрушение некогда доминировавшего консенсуса по поводу национальных версий истории и глобальных трактовок. Действительно, можно признать, что *современная историография своим профессиональным искусством раскрывает многообразие прошлой жизни и своей доступностью разным акторам, вплоть до разбогатевших селян, заказывающих написать историю своей малой родины, как бы разрушила целостность коллективной памяти.* Современная историография осуществила экспансию научных направлений, тем и сюжетов. Не говоря уже о радикальных изменениях в методах презентации исторического материала и появлении новой индустрии, которую стали называть *histotainment* (развлечением историей). *Эти обстоятельства, включающие внутреннюю логику эволюции дисциплины, изменение общественной среды и технологических ресурсов, стали факторами радикального изменения содержания исторической культуры.*

¹² Хаттон П. Указ. соч. С. 15.

Существуют разные по своему жанру и по целям истории: от истории отдельной семьи, рода или села до всемирной истории. В чем суть проблемы о соотношении разных вариантов истории с точки зрения ее предмета или субъекта? Если мы возьмем исторические трактаты древности, начиная с «отца истории» Геродота, то убедимся, что предметом описания были самые разные темы: история войн, династий, военных походов и путешествий с описанием народов, биографии выдающихся правителей и т. п. История государства как основная единица описания появилась в XIX в., в период образования современных национальных государств и в то же время в период формирования профессиональной исторической науки. Само историческое образование и кадры историков, а также публикаторская деятельность были ограничены рамками государств: международных издательств и торговых сетей тогда еще не существовало. Вполне естественно, что историки прежде всего писали историю собственной страны и ее населения. Государство считалось самой значимой и наиболее легитимной (с правом отправлять насилие в отношении своих граждан, владеть территорией, вести войну и т. п.) формой социальных коллективов людей. Таковым, кстати, оно остается и по сей день. По этой причине длительное время как бы не существовало вопроса о конкурентном взгляде на историю. *Национальная история представляла собой главный жанр историописания.* Это был и остается важный компонент самого процесса государствообразования, создавая из населения народ, территориально очерчиваемый установленными пространственными границами и соединяемый конструируемой версией общего и обязательно автохтонного происхождения.

Интерес к всеобщей истории и попытки ее научной периодизации и написания общего текста, как правило, в многотомных изданиях, имели место в мировой историографии, особенно после Второй мировой войны. Здесь одними из пионеров были советские историки с их предписанным репертуаром изучать все эпохи и все страны, опираясь на солидную марксистскую версию глобального исторического процесса (от первобытного общества к подлинному коммунизму). В 1980–90 гг. ЮНЕСКО осуществило проект написания многотомной «Истории человечества». И все же внимательный взгляд на прошлые «всемирные истории» обнаруживает их привязанность к национальным историям. По большому счету они представляли собой сумму историй национальных государств, за исключением истории мировых войн, международных национально=освободительных и рабочих движений. Это также социально=политическая история и лишь частично история культуры.

Опыт Ф. Броделя по созданию больших исторических полотен и их построение не вокруг политической сферы, а вокруг других сфер человеческой деятельности (окружающая среда и ресурсы, экономика и торговля, миграции и т. д.) не давал покоя историкам, представлявшим сильные национальные историографии. Изменение мира в последние десятилетия под воздействием процессов глобализации, кризис национальных государств по части

обеспечения безопасности и достойных условий жизни людей, рождение новых «исторических акторов» в форме транснациональных сообществ и институтов оказались решающими факторами для того, чтобы неудовлетворенность историков ограничителями национальных нарративов переросла в серьезные дискуссии с интересными соображениями и проектами. Некоторые историки ставят как задачу нового историописания – это «освобождение глобальной истории от национальных историй». По их мнению, старая формула Л. Ранке – государство есть духовная общность, замысленная Богом, – ныне не работает. В последние десятилетия появились серьезные альтернативы национальному нарративу. *Новая глобальная история создается уже вне фокуса национальных историй. И одновременно идет процесс глобализации самих национальных историй.* Они все больше вписываются в общемировой контекст, и в них все сильнее отражаются внешние факторы и воздействия, а также своего рода тектонические сдвиги в глобальной человеческой эволюции – от климатических, ресурсных до технологических и информационных.

Сюда же можно добавить глобализацию самой историографии, когда авторами национальных историй выступают не всегда отечественные историки и довольно часто – международные команды. В одной из своих статей я писал, что национальный нарратив – это прежде всего домен отечественных историков¹³, и придерживаюсь данной позиции до сих пор. Но даже в такой сильной историографии, как российская, переводные работы зарубежных авторов оказали в последние два десятилетия заметное влияние на формирование постсоветских версий национальной истории. Для некоторых новых государств или для малых образований со слабыми историографическими школами их национальные версии вообще были написаны иностранцами. Однако все это не мешало создавать почти во всех новых государствах, образованных после распада СССР и Югославии, собственные националистические версии прошлого, где во главу угла ставили историю «своего народа» (сугубо в этническом понимании) и свершения «собственной государственности».

В рамках данной проблемы выявляются некоторые «родовые» слабости национальных нарративов, о которых уже было много написано, но которые так и не удалось преодолеть. Во-первых, это мотивированная идеологией и политикой выборочность самой версии национальной истории, создаваемой историками той или иной страны. Так, например, в американском национальном нарративе опускаются целые периоды истории США, особенно конец 1940=х – 1950=е годы, связанные с войной во Вьетнаме, а также замалчиваются важнейшие общественные события, например, движение за гражданские права в 1960–1970=е годы. В США были периоды, когда

¹³ Тишков В. А. Историческая наука: новые вызовы и задачи для России. – Вестник российской нации, 2010, № 1–2.

историки=ревизионисты были вынуждены покинуть страну, как произошло с Г. Колко, написавшим книгу с критическим анализом внешней политики США и в результате оказавшимся в одном из канадских университетов¹⁴.

В нынешней судьбе национальных историописаний наметилась еще одна тенденция, подрывающая центральное место данного историографического жанра, – это рождение микроистории, т. е. истории субнациональных сообществ и мест, отдельных этнических групп, общин, фамилий, регионов, городов, сел. Этот момент в новой исторической культуре можно назвать «поворотом от национального к локальному». Действительно, микроистория, или местная, история вносит сегодня огромный вклад в формирование местных культур и идентичностей. В то же время местные версии обогащают историческое понимание в целом и позволяют на их материале придавать национальному нарративу более сложный, инклюзивный характер, когда те или иные группы населения или региональные сообщества не чувствуют себя исключенными из национальной истории. Таким образом, сегодняшнюю ситуацию трудно назвать «поворотом к глобальному», но ясно, что *отход от традиционного видения истории как истории национальных государств происходит вместе с пересмотром и содержания самой версии национальной истории, все более понимаемой как внутренне инклюзивная для разных групп и одновременно более вписанная во всемирно=исторический контекст*. Не у всех и не всегда это получается хорошо, но тенденция существует именно в этом направлении.

¹⁴ Этот период был описан мною в кн.: Тишков В. А. История и историки в США. М., 1985.